

Биология и Буддизм. Почему гены против нашего счастья и как философия буддизма решает эту проблему

Автор:

Евгений Бульба

Биология и Буддизм. Почему гены против нашего счастья и как философия буддизма решает эту проблему

Евгений Викторович Бульба

Популярная социология

Биология и философия буддизма... Как они отвечают на моральные вопросы? Ответ на этот вопрос раскрывает в своей книге Евгений Бульба – сотрудник Лаборатории разработки способов интегрирующего преподавания естественных наук Харьковского национального университета, лектор, редактор, автор статей и книг по психологии и философии буддизма. Если наука объясняет, как мораль стала атрибутом вида Хомо сапиенс, то буддизм раскрывает нюансы моральных дилемм индивидуального сознания. Такое совмещение научного описания и буддийских методов порождает универсальную синкретичную систему, гармонично отвечающую на самые болезненные вопросы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Евгений Бульба

Биология VS Буддизм: почему гены против нашего счастья и как философия буддизма решает эту проблему

© Бульба Е.В., текст, 2020

© Арутюнян Л.С., иллюстрации, 2020

Введение

В идеале, если мы хотим привести убедительные доводы в пользу внутренних ценностей и нравственного образа жизни, то, живя в эпоху науки, мы должны излагать свою позицию, пользуясь исключительно научными терминами. И пусть пока это невозможно сделать на основе одних только данных строгих исследований, я уверен, что со временем мы будем получать все более надежные подтверждения важности внутренних, нравственных ценностей[1 - Далай-лама. Больше чем религия. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016.].

Далай-лама XIV

Людам, засевшим в уютных гаванях своих религий, невдомек, какие колоссальные баталии ведутся в науке по поводу природы нравственности. Недавно на этом фронте появились новые направления – социобиология и эволюционная психология.

Не все обыватели знакомы со взглядами Сократа, Аристотеля, Августина и Декарта. Для многих это просто звучные имена. Однако эти люди, как и многие другие, породили наш стиль мышления, и, знаем мы это или нет, мировоззрение каждого из нас несет отпечаток их идей. К примеру, аргументация Августина, подхваченная и распространенная сторонниками, оказала влияние на каждого христианина. Его идеи были восприняты семинариями и монастырями и дошли до самых глухих деревень. Когда полуграмотный священник с амвона рассказывал таким же неграмотным крестьянам о том, как себя вести, как искать Бога, в чем находить опору, то он говорил словами Августина. Идея Августина о том, что каждый человек может найти частичку Бога в себе и опираться на эту частичку в минуты слабости и испытаний, распространилась и стала восприниматься как естественная.

В момент очередного знакового философского открытия рождались идеи, которые формировали правила политики, нормы справедливости, понятие честности и правоты. Новые взгляды проникали в каждую мелкую житейскую ситуацию. Рафинированный и непонятный большинству потомков философский диспут накладывал на людей отпечаток, и они удивились бы, узнав, что их привычные мысли и мотивации сформированы человеком, о существовании которого они даже не подозревали.

Мы можем этого не осознавать, но что-то похожее происходит прямо сейчас. Взгляды человечества постепенно меняются. Причины этого изменения массового сознания лежат, казалось бы, в умозрительном споре, который ведется в эволюционной биологии относительно природы морали. Выводы из этого спора проявляются в том, как ведут себя политики при решении проблем, каким образом строится экономика и производственные отношения, каким образом воспринимается честное партнерство, как развиваются технологии, в какие области направляются исследовательские усилия.

Море вопросов

На нас постоянно влияют те или иные, на первый взгляд ничтожные, обстоятельства, неосознанная информация, внутренние силы, о которых мы не знаем ровным счетом ничего[2 - Сапольски Р. Биология добра и зла. М.: АНФ, 2019.].

Роберт Сапольски

Что заставляет нас вести себя так... так, как мы себя ведем? Откуда взялись правила? Почему мы должны соответствовать каким-то нормам, которые никто не придумал, но которые незыблемы, как гранитная скала? Почему нам так сложно нарушить витающие в воздухе общепринятые требования, которые не прописаны ни в одном законе, но при этом нарушить их страшнее, чем преступить уголовный кодекс? Откуда берется совесть и почему чувство справедливости дороже жизни? Почему нам приятно чувствовать себя порядочными людьми и окружать себя такими же? Почему свои неблагоприятные поступки мы пытаемся переокрасить и выставить в достойном свете? Почему порой так сложно заставлять себя следовать моральным заповедям и при этом

так приятно ощущать себя порядочным человеком?

Если вы задавали себе эти вопросы, то эта книга для вас.

Пытаясь разрешить загадку происхождения морали, мы обращаем внимание на разные культуры – и обнаруживаем схожие нормы. Мы изучаем историю цивилизации и находим, что в древних и во многом примитивных сообществах существовала развитая мораль, отличающаяся от нашей скорее формой, но не сутью. Похоже, что сравнительная социология показывает, что мораль существовала всегда, но не отвечает на вопрос о том, откуда она взялась.

Если так, то ответ нужно искать в феноменах, которые древнее, чем записанная история. Мы обращаемся к психологии и обнаруживаем, что понятия добра и зла появляются уже в младенческом возрасте, то есть до родительского влияния. Значит, происхождение морали еще глубже. Расширив сферу поиска, мы с удивлением обнаружим, что моральные правила есть у человекообразных обезьян; что сдерживающие нормы есть у стайных хищников, врановых, дельфинов, слонов... Получается, что «наши» устои не только наши? Что нравственность не заслуга религии? Что мудрецы, записавшие в священных книгах моральные заповеди, были не авторами, но скорее трансляторами?

Откуда тогда? Откуда в нас этот голос совести?! Заставляющий порой вести себя во вред собственным интересам. Даже тогда, когда этого никто не увидит и не оценит. Почему мы чувствуем тонкую радость всякий раз, когда понимаем, что не пошли на поводу у собственного эгоизма и поступили альтруистично? Почему едва уловимые муки совести способны свести с ума даже самого прожженного циника? Почему деспот и тиран всегда ищет самооправданий – хоть каких-нибудь, пусть даже самых банальных?

Мы ежедневно предстаем перед множеством моральных выборов: чью сторону принять в споре, за что хвалить и ругать ребенка, за кого из родственников заступиться, как повести себя в двусмысленной ситуации, кому оказать помощь, как лавировать между начальством и подчиненными... За часть принятых решений мы частенько расплачиваемся муками совести.

Как найти верный критерий принятия решений? Это то, в чем каждый отчаянно нуждается! Однако ответов и вариантов будет множество. Возможно, какой-то из подходов нам понравится, и мы примем критерии определенной прослойки,

группы, мистического сообщества, религиозной секты... Через некоторое время мы изменимся, станем опытнее... и поймем, что моральные критерии не всегда надежны и что, руководствуясь ими, мы снова наделали глупостей, а некоторые «авторитетные мнения» ведут не просто к мукам совести, а к жизненной катастрофе.

Как избежать подобной ситуации? Рискну предположить, что перед тем, как искать критерии морального выбора, нужно разобраться в происхождении морали. Во всяком случае попытаться.

Безусловно, мы можем быть нравственными и не понимать, откуда взялись моральные устои. Ощущать себя хорошим, порядочным человеком – уже достаточная причина. Совершенно не обязательно разбираться в устройстве автомобиля, чтобы доехать до булочной. Но... хочется уверенности и гарантии, что ошибки будут редкими. Уверенности, происходящей не из веры и самоубеждения, но из логически правильной и проверенной системы.

Объяснение морали и формулировка критериев долго оставались прерогативой религий. Христианские критерии отличаются от исламских или иудейских, тем более от индуистских, и все же в них много общего. Люди чаще всего принимают традиционное религиозное объяснение морали, хотя есть и другие подходы: политический, националистический, половой, политэкономический, гуманистический... Выбрав любой из них, мы формируем свою жизнь. Каждый из этих подходов не является универсальным в силу того, что не исходит из базового механизма, а богатство запутанных альтернатив делает нас беспомощными.

Сегодня вопросом о происхождении морали начала заниматься биология. Ученые-эволюционисты вторглись в ту область, которая была прерогативой философии и религии. Социобиология как никогда подошла близко к объяснению феномена нравственности, и хотя наука, похоже, нашла ответ на вопрос «кто виноват?», она все еще далека от ответа на вопрос «что делать?».

Если мы будем ясно представлять происхождение морали, то некоторые мучительные дилеммы разрешатся сами собой. Мы порой годами пребываем в невыносимой, безвыходной ситуации, не в силах принять правильное решение. Перебирая всевозможные аргументы, мы принимаем решение и все же испытываем чувство вины. Однако огромное количество моральных терзаний созданы некорректным определением проблемы. А ведь вполне возможно, что в

каждом из нас встроен готовый механизм нахождения верного решения в большинстве моральных дилемм. Мы просто не знаем, как он устроен, как им пользоваться... Разобравшись с этими «конструктивными особенностями», мы облегчим себе жизнь и перестанем терять время и силы на преодоление трудностей, которых просто не должно существовать. Многие сложности порождены лишь некорректными вопросами к самому себе, и фактически, производя такие псевдопроблемы, мы создаем бурю в стакане воды и тонем в этом глупом «шторме». Прекратив отвлекаться на вымышленные игры, мы сможем подойти к пределу, за которым высятся вызовы, требующие осознанных и смелых решений.

Зачем биологу буддизм?

В 2009 году Исследовательский центр Пью провел опрос среди американцев по вопросу: «Согласны ли вы с тем, что эволюция наилучшим образом объясняет происхождение человека?» Больше всего согласившихся оказалось среди буддистов – 81 % – и индуистов – 80 %[3 - Цитируется по: Вааль Ф. де. Истоки морали. М.: АНФ, 2014.].

Франс де Вааль

По ходу книги мы попробуем разобраться, какое же это такое животное – человек?! В чем биологический смысл альтруизма, как он возникает у самых разных организмов. Мы выясним, как биологический альтруизм проявляется у человека и как приводит к тому, что мы называем нравственностью. Затем мы сравним новые знания о происхождении нравственности с результатом – сформированной моральной системой. В качестве примера такой системы возьмем буддизм.

Некоторые специалисты называют буддизм не религией, а скорее морально-этическим учением. Известный ученый и популяризатор науки Ричард Докинз, обрушиваясь с критикой на религии, не касается буддизма и конфуцианства, считая их этическими системами. С такой оценкой можно спорить, но ее не было бы без достаточных причин. Буддизм действительно предлагает свою версию происхождения морали и демонстрирует результат нравственного поведения. Если наука объясняет, как мораль стала атрибутом вида гомо сапиенс, то

буддизм раскрывает нюансы моральных дилемм мятущегося индивидуального сознания. Иначе говоря, если наука отвечает на вопрос «кто виноват?», то проверенное традиционное морально-этическое учение может ответить на вопрос «что делать?». Совмещение научного описания и буддийских методов порождает универсальную синкретичную систему, гармонично отвечающую на самые болезненные вопросы. На пути к пониманию такой системы мы должны сравнить буддийскую и эволюционную трактовку нравственности.

Буддизм практичен и к нравственности подходит как к методу трансформации личности. В буддийской философии нравственность – основная духовная сила. Наука отвечает на мучающие вопросы и позволяет побороть сомнения. Она показывает, как мораль появилась и как регулирует отношения в обществе; помогает увидеть границу между врожденной моралью, в обладании которой нет никакой заслуги, и совестью, развитой благодаря личным усилиям (индивидуальной нравственностью). Повышая планку, наука предлагает холодный душ! Он шокирует, нокаутирует самооценку и возвращает на землю... Но он необходим, если мы не хотим под влиянием ошибочных взглядов парить в воображаемых высях надуманных достижений.

Противоречие между буддизмом и эволюционной биологией состоит в том, что они по-разному видят цель нравственности, и на этом поле интеллектуальные битвы вряд ли затихнут. Однако, дистанцируясь от данного противоречия, мы получаем современное мировоззрение, объясняющее природу человека, его глубинные мотивации, происхождение так называемых благородных черт и, главное, возможность увидеть, где начинается то, что мы называем «духовностью».

Соединение этих теорий окажется удивительно отрезвляющим. Столь привычные розовые очки, так приукрашивающие нашу собственную суть и нравственное самосовершенствование, разлетятся вдребезги от столкновения с холодной прозой научного метода.

Буддизм и биологические дисциплины подходят к носителю нравственности с разных сторон. Зоопсихология показывает исходную точку того, что мы считаем «истинно человеческой» моралью. Эволюционная психология не оставляет камня на камне от убежденности в том, что мы управляем собой, существенно сужает сферу свободы воли и показывает, как истоки морали постепенно развивались в животном мире и как потом трансформировались в человеке.

Под линзой научного метода усредненный представитель гомо сапиенс раскладывается по полочкам и наследует животную способность к моральному выбору, обезьянью логику и общебиологические инстинкты и программы. Каждый из нас является именно таким типичным сапиенсом, и тем не менее найти его невозможно – он существует только как абстракция. Биология рассматривает человека как подобную абстракцию, как представителя своего вида. Этот подход никак не помогает с личными проблемами морального выбора. Выбор придется делать самим! Как и отвечать за его последствия.

Наши нравственные терзания – только лично наши и имеют мало общего с усредненным образом. Общее у людей – лишь происхождение механизмов, которые заставляют испытывать муки совести, страдать от одиночества или последствий своих грехов. События внутренней жизни всегда индивидуальны и так много значат на внутренних весах, что совершенно заслоняют принятие того факта, что в исходной точке каждый из нас – заурядная особь!

Заурядность происхождения «самых возвышенных» личных помыслов и характеристик не уничтожает неповторимости индивидуальных переживаний, и вся глубина научного метода и мощь эрудиции оказывается бесполезной перед конкретной трагедией и болью личных потерь. Буддизм же рассматривает мораль на индивидуальном уровне, от самой первой мысли о том, чем различаются «хорошо» и «плохо», до вечных проблем, которые практически неразрешимы на уровне массового сознания и типового подхода. Дхарма помогает определиться там, где подчас кажутся верными диаметрально противоположные выходы.

Глупость и философия

Совершенно очевидно, что человеческая мысль в области морали и этики попросту не поспевает за стремительным прогрессом в накоплении знаний и возрастании могущества человечества.

Далай-лама XIV

Многоэтажное и величественное здание буддийской этики, выстроенное более чем за два тысячелетия, зиждется на одной простой идее – не причиняй вреда.

На первый взгляд, эта идея кажется совпадающей с универсальным золотым правилом этики, гласящим: поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой. Однако это не так. Буддийский подход к морали отличается от принятого в авраамических религиях и современном западном обществе.

Если говорить о формальных отличиях, то буддийское правило «не вреди» распространяется не только на людей, но на всех живых существ. Эта деталь выглядит формальной лишь на первый взгляд. В буддийской картине мира круг партнеров в отношениях неизмеримо шире. За такой разницей скрывается принципиальное отличие философских взглядов на человеческую жизнь, на ее смысл и цели. Признаемся мы себе в этом или нет, но трактовка этого «чисто теоретического» вопроса определяет нашу жизнь вплоть до мелочей. Отношение к животным – яркий пример, показывающий, как подобные идеи управляют человеческим поведением; а споры о том, является ли человек животным, сегодня на самом острие борьбы между косностью и прогрессом, мракобесием и просвещенностью.

Говоря о системах морали в разных традициях, мы наталкиваемся на различающиеся трактовки человеческой природы, влекущие за собой кардинальные отличия в схемах восприятия и поведения.

В авраамических религиях Божья благодать не распространяется на животных. Такая позиция не позволяет считать животное полноценным объектом сострадания, в результате идея вегетарианства нетипична для этих религий, жестокое обращение с животными не считается грехом, а в исламе и ортодоксальном иудаизме в век компьютеров и космических полетов практикуют жертвоприношения животных.

В свою очередь, отношение материалистического потребительского массового сознания к животным выглядит совершенно демоническим. Если использование животного для заклятия представляется мракобесием, все же имеющим какой-то религиозно-исторический подтекст, то в потребительском обществе животное рассматривается с цинично-пользовательской точки зрения. На жизни животных выстроены мясная, кожевенная и фармакологическая индустрии.

Согласно же буддизму, животные – это одна из групп, входящая в общую категорию «существ», и в отношении к ним необходимо соблюдать нравственный принцип «не вреди». Следствием является признание того, что человек – высокая, но не абсолютно сверхценная форма жизни. Буддизм не

проводит неразрываемой границы между человеком и животным. Если говорить о качестве бытия, глубине страданий и ценности жизни, то это скорее количественная, чем качественная разница.

Современная биология, как и буддизм, стирает принципиальную границу между животным и человеком. Но если буддизм подводит к этому как бы «сверху» – подтягивает животное до уровня человека, утверждая ценность любой жизни, то наука заходит с противоположного конца – показывает, что человек – это представитель животного мира.

Такое поразительное единодушие между современной биологией и буддизмом привносит нотки свежести в извечный диспут о природе человека и заставляет обновить этические нормы.

Прошлый век символически был объявлен веком физики и попыток найти физическую природу реальности. Нынешнее столетие станет веком биологии и связанных с ней дисциплин: медицины, генетики, нейрологии... Мы редко задумываемся о тех сюрпризах, которые готовит нам биология. Они могут оказаться неожиданными и даже более фантастическими, чем медицина генетических усовершенствований и биопротезирование. Речь идет о формировании общественного сознания. За последние тридцать лет эволюционная биология достигла ошеломляющих успехов. Современная наука открывает наши глаза на то, что поведение человека наследственно определено глубже, чем нам внушали всю предыдущую эпоху. Наша свобода воли практически иллюзорна, а истоки нравственного самосознания пришли из животного прошлого; и главное – наша животная природа вовсе не так отвратительна, как внушали устаревшие моральные догматы.

«Животные», – цедим мы сквозь зубы при виде агрессивной толпы, крушащей витрины. «Скотина», – шипим, узнав о неожиданной подлости человека, которому доверяли. «Зверь», – негодуем, сталкиваясь с чьей-то жестокостью. «Похотливое животное», – осуждаем беспринципного человека, чья неразборчивость в связях разбивает сердца и рушит чужие семьи.

Мы применяем эти слова как ругательства совершенно автоматически, не задумываясь, просто в силу извечной привычки разделять живых существ на «людей» и «остальных».

С точки зрения современной науки такое разделение – это косный взгляд сродни глупому и изжившему себя предрассудку.

Массовая неосознанность отвергает любую попытку считать человека животным. Животное воспринимается как бездушный объект, с которым можно творить все что угодно, и такое отношение не предполагает мук совести, которые справедливо возникают от похода в мясную лавку, зоопарк или участия в охоте. Мы предпочитаем оставаться в плену дремучего лицемерного невежества, лишь бы избежать мук нравственной неопределенности.

«Скотина» – синоним нравственной тупости, так мы говорим про человека, моральный облик которого оскорбляет окружающих. Но «скотина» – это еще и общее название для покорных существ, которых человек превратил в фабрики по производству молока и мяса. По чужой воле эти существа влачат суррогатное существование и обречены на неизбежную смерть ради нашей пользы и удовольствия.

«Звери» – это млекопитающие, включая ласковых домашних кошечек, фотографиями которых забит Интернет.

«Похотливое животное» – уж совсем парадоксальное оскорбление из уст существ, занимающихся сексом не ради размножения, но исключительно ради удовольствия[4 - Кроме человека секс ради удовольствия практикуют дельфины и наши ближайшие родственники – бонобо.]. Сексуальные инстинкты большинства животных обостряются только во время брачных периодов, но человек озабочен вне зависимости от сезонов и периодов.

Когда в нашем сознании привычно всплывают ругательства «животное», «скотина» и так далее, мы проявляем свою глубокую уверенность, что человек – НЕ животное; что «мы» и «они» имеем мало общего, что «они» примитивны, безвольны и фактически бездушны.

С точки зрения науки такая позиция выглядит совершенно несостоятельной и устаревшей. Жизнь на Земле существует около четырех миллиардов лет, многоклеточные животные появились 670 миллионов лет назад. Млекопитающие существуют 200 миллионов лет, первые приматы – семьдесят. Семь миллионов лет назад на земле обитала обезьяна, которая была общим предком человека и шимпанзе. Это совсем маленький срок – после разделения веток шимпанзе и

людей за семь миллионов лет человек набрал целых 2 % новых генов, а в остальных 98 % мы остаемся той же обезьяной, которая породила шимпанзе, бонобо и человека. Представитель семейства гоминид человек разумный выделился из эволюционной ветки людей только 200 тысяч лет назад. Более 100 тысяч лет наш вид сосуществовал с другими видами людей: неандертальцем, прямоходящим и денисовским человеком, и только последние сорок тысяч лет характеризуются «интеллектуальным взрывом» – сапиенс резко стартовал, заселяя Землю и демонстрируя те качества, многие из которых поспешили объявить уникальными.

Говоря о происхождении нравственности, мы в качестве ее основы начинаем исследовать животный альтруизм, и для многих подобная постановка вопроса по-прежнему выглядит оскорбительной. «Нравственность не может быть животным качеством!» И далее следует вывод, что если нравственность абсолютно человеческое качество, значит, мы не животные. Следующий шаг в этом рассуждении будет сделать совсем легко: значит, животные и люди – две различные категории, и, возможно, человек не произошел от животных.

В борьбе с креационизмом зоология неопровержимо доказала, что человек – это животное, представитель высших обезьян. Это открытие вывело споры о природе человека на уровень цивилизационной битвы.

Человечество и неосознанно, и вполне сознательно сопротивляется эволюционной теории Дарвина, следствия которой распространяются на религию, экономику, политику, мораль... В данном случае борьба с устаревшими взглядами – это не абстрактный философский диспут, а преддверие ощутимых грандиозных изменений.

Запретить или объяснить?

В поисках ключа к загадке происхождения человеческой природы не следует ограничиваться изучением вида гомо сапиенс, ведь общественная жизнь – не прерогатива человечества. Ключ следует искать в эволюции общественной жизни во всем животном царстве[5 - Уилсон Э. Хозяева земли. СПб.: Питер, 2014.].

Эдвард Уилсон

Новый подход незаметно меняет отношение человечества к устоявшимся понятиям. Будет справедливо для примера рассмотреть, как отразились свежие взгляды на «виновниках» баталии – животных.

Вопрос неоправданно жестокого отношения человека к остальным животным становится общественным трендом. При всем уважении к подобной тенденции запретительные законы о жестоком обращении с животными выглядят глянцево-лицемерием, пока существует культура избыточного потребления мяса и порожденные ею скотобойни.

Похоже, человечество, вместо того чтобы снять котелок с огня, старательно дует на кипяток, пытаясь его остудить. Борьба с жестокостью по отношению к животным, распространение информации о вреде избыточного мясоедения, помощь диким и бездомным животным – прекрасные инициативы, но они подобны капле воды в жаркой пустыне. Решение этой проблемы лежит не в законодательно-запретительной, не в природоохранной и даже не в культурной сфере. Оно глубже и сложнее. Как бы печально это ни звучало, вопрос о том, как избавить животных от страданий, самостоятельного ответа не имеет. При всем восхищении подвигами защитников животных проблема отношения к животным вторична и автоматически решается при нахождении ответа на более глобальный философский вопрос о сути человеческой природы. В последние десятилетия здесь наблюдаются тектонические сдвиги, ведущие к постепенному изменению массового сознания.

Например, существуют две разные группы со своими идеями. Первая – африканские охотники, которые убивают взрослых шимпанзе и бонобо ради мяса, а детенышей отлавливают ради весьма внушительных денег, которые можно получить, продавая малышей как домашних питомцев. Браконьерство наказуемо, но победить его невозможно – бедность и жадность заставляют людей рисковать.

Другая группа – ученые-биологи, утверждающие, что высшие обезьяны обладают интеллектом и полным набором человеческих эмоций.

Распространение этой идеи без всяких антибраконьерских законов поможет сократить убийства шимпанзе. Если грань между человеком и обезьяной размывается, то у охоты на обезьяну появляется привкус убийства человека. А при всей массовости войн и насилия человеку каждый раз приходится искать

самооправдания, чтобы преступить моральный барьер убийства себе подобного.

Еще один пример. Никому из нас не придет в голову съесть свою собаку, но мало кто откажется съесть соседскую свинью – существо не менее сложное. Живя с собакой, мы проникаемся ее обаянием, искренностью и разумностью. Мы ее очеловечиваем. Размываем эмоциональную границу между собой и собакой, однако жирно проводим ее между собой и свиньей. Такое очеловечивание, «подтягивание» одного животного в ущерб другому нелогично. Если поднимать собаку до уровня члена семьи кажется наивным, то почему опускание свиньи до уровня ветчины не вызывает отторжения? На каком основании мы приближаем к себе избранных животных и дистанцируемся от остальных, поднимая человека на недостижимый пьедестал?

Считая, что между человеком и животным есть принципиальная граница, мы убеждаем себя, что опускать животных до уровня пищи нормально. Однако вся эта логика рассыпается в прах, как только человек заводит питомца – например, мини-пига[6 - Порода миниатюрных свиней, используемая в качестве домашних питомцев.]. И вот уже невозможно представить своего любимца будущим украшением стола. Эмоции, возникающие у человека по отношению к питомцу, настоящие. Их можно вызвать даже фотографией любимого животного или разговором о его проблемах. Чувства к питомцам реальны, они ощутимо меняют жизнь. Значит, имеют под собой основу, настолько же реальную, как чувства к близким людям.

Единственный возможный ответ на это противоречие – уравнение было решено неверно. Человек справедливо решил, что глупо поднимать некоторых животных до своего уровня, но, может, он ошибся с тем, что оторвал себя от животного уровня и провел слишком жирную черту там, где ее нет вовсе? Получается, что человек помещает себя в логически и морально расколотую действительность, полную самооправданий, двойных стандартов и откровенного страха признать собственное двуличие.

Сегодня вопрос отношения к животным оказался частью проблемы человеческой природы, которая сместилась из абстрактного философствования в область биологических дисциплин. Только разобравшись в том, чем мы принципиально отличаемся от всех прочих животных, мы поймем, что это такое – быть человеком.

Толчем воду

Буквально каждый корифей гуманитарных наук, антропологии и психологии читает ту самую старую оборонительную проповедь о человеческой уникальности, за которую держались теологи в момент, когда Дарвин основательно потрянул их дерево[7 - Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. М.: Эксмо, 2013.].

Мэтт Ридли

У каждого из нас есть собственное мнение о человеческой природе. Баталии относительно того, в чем же заключается человеческая суть, вспыхивают как на философских конференциях, так и среди завсегдаев придорожных баров.

Современная наука отказалась от попыток описать фиксированный набор качеств, которые отражали бы природу человека и были бы только «человеческими». Правильным был признан не описательный, а генеалогический подход.

Зоологи и эволюционные психологи утверждают, что попытка найти «исключительно» человеческие качества изначально ошибочна, поскольку любое «самое возвышенное» качество развилось из животной основы. С точки зрения эволюциониста, вопрос «чем человек отличается от животного?» является такой же бессмыслицей, как и «чем восемь отличается от числа?». Правильной формулировкой будет: «Чем человек отличается от ДРУГИХ животных?» Ответ состоит в том, что человек – уникальное животное, качественно отличающееся от других. Впрочем, не менее качественно муравьи отличаются от осьминогов.

Несмотря на все успехи науки, человек упорно пытается удержать себя в привилегированном положении и цепляется за мифы о том, что он был создан сразу и «по образу и подобию». Противники эволюционного учения продолжают искать признаки, по которым человека можно противопоставить остальным животным.

Вне научной среды споры в данной области идут по одному и тому же бессмысленному, но живучему шаблону – находится очередное «качественное

отличие», и вокруг него выстраивается аргументация. Найденное «отличие» впечатляет только людей, слабо знакомых с современной биологией. Ситуация, когда креационист находит «отличие», а зоолог доказывает, что подобное качество в какой-то мере представлено и в животном мире, повторяется с впечатляющим постоянством. Однако если ученый соглашается на подобные условия спора, то попадает в изначально ущемленную позицию, которая может привести к массе софистических комизмов.

Например, если признак человека – двуногость, то тогда кенгуру – человек, а человек, потерявший ноги, – нет. Если способность к логике, то младенец, человек в коме или больной глубокой олигофренией – нет, а рыбы и птицы – да. Если использование электричества, то электрические скаты и угри – да, а люди племени пираха – нет.

Попытки найти «исключительно человеческое» качество являются такими же наивными, как попытка вырастить цветок, лишив его «грязной» почвы и находящегося в ней корня. Наши качества выросли из животной основы, единственным здравым подходом является генеалогический, и все формулировки «человеческой природы» рано или поздно превращаются в казуистику.

Тем не менее любопытно проанализировать ход споров об «истинно человеческих качествах». Во-первых, это интересно. По ходу дела мы знакомимся со способностями животных (в которых раньше им отказывали), и от этой информации захватывает дух. Во-вторых, это позволяет высветить собственную безграмотность и заблуждения.

Как выяснилось, невозможно обосновать «человекость», просто перечислив ряд признаков. Тем не менее люди пытаются сделать это снова и снова. Давайте рассмотрим основные, уже ставшие цивилизационными заблуждения данного диспута. Как уже говорилось парой абзацев выше, привлечение в качестве аргументации того, что человеческие качества имеют аналоги в животном мире, – неубедительная позиция. Однако такой анализ помогает снять верхний, презрительно-снобистский, дремучий пласт заблуждений относительно «человеческой исключительности».

Аргумент первый: интеллект

Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество. Да, у нас есть компьютеры и самолеты, но психологически мы по-прежнему устроены так же, как общественные приматы[8 - Вааль Ф. де. Истоки морали. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.].

Франс де Вааль

У каждого из нас есть готовые ответы для демонстрации того, чем человек отличается от животного. Первый – интеллект и орудийная деятельность как его следствие.

Что ж, попробуем разобраться. Шимпанзе и бонобо в опытах демонстрируют интеллект, соответствующий уровню трехлетнего ребенка. Если допустить, что мы отличаемся от остальных животных только интеллектом, то шимпанзе являются людьми на том же основании, что и наши собственные двух-трехлетние дети. Если в силу неврологической патологии человек останавливается в умственном развитии на уровне трехлетнего ребенка, ему не отказывают в человечности, относятся со всем возможным состраданием и заботой. Мы воспринимаем его боль и проблемы как страдания равного существа.

Рис. 1

С орудийной деятельностью ситуация еще более любопытная. Слоны берут ветки, чтобы отмахиваться от насекомых. При этом они подгоняют сломанную ветку под себя, придерживая ее ногой, чтобы отломить хоботом удобную часть. Морские выдры используют камни как молоток (рис. 1). Сначала – чтобы откалывать моллюсков от скал и потом чтобы расколоть раковину. Зверьки выбирают удобный камень и хранят в складках шкуры между лапой и туловищем, по мере необходимости они извлекают и используют этот

инструмент. Кроме того, при совмещении в неволе выдры из тех популяций, где камни не используются, быстро обучаются этому методу. Так что здесь мы имеем дело с настоящей орудийной традицией. Медведи используют камни, чтобы отогнать собак или убить тюленя. Галки способны изготавливать примитивные орудия из щепок, хвои или листьев, чтобы достать насекомых из трещин в коре. В морском аквариуме Майами цапли воровали гранулированный корм, которым потом приманивали рыбу[9 - Марков А. Эволюция человека. Книга вторая. М.: Астрель, 2011.].

Специально не упоминаю обезьян – они умны и анатомически близки к человеку. Гораздо больше впечатляет, когда способность использовать предметы проявляют якобы «примитивные» животные. Кстати, обезьяны в экспериментах охотно используют предметы, но в дикой природе делают это редко. Могут, но не делают. Похоже, что отсутствие орудийной деятельности не всегда говорит о низком интеллекте животного.

Мы недооцениваем сообразительность животных. Часто так происходит просто потому, что каждый вид живет в своем мире, обладая интеллектом, заточенным под вызовы среды обитания. Особенно «обидным» выглядит то, что достаточно примитивные, на наш взгляд, животные в некоторых областях оказываются способнее человека. При этом речь не идет о физических способностях – беге гепарда или навигации перелетных птиц. Например, в такой мыслительной деятельности, как пространственное запоминание, сойки, кедровки и белки фиксируют расположение тайников с пищей гораздо лучше человека, а крысы лучше выходят из лабиринта.

Могли ли мы подозревать, что будет экспериментально показано наличие логики у рыб?![10 - Марков А. Эволюция человека. Книга вторая. М.: Астрель, 2011.] Еще несколько лет назад словосочетание «рыбья логика» выглядело оксюморном. Но все меняется! Способность делать вывод из непрямого сравнения нескольких величин относится к транзитивной логике. Самый простой пример: если $X > Y$, а $Y > Z$, значит, $X > Z$. Способность к транзитивной логике появляется у детей к четырем-пяти годам и свидетельствует о нормальном развитии. Наличие подобной логики доказано также в экспериментах с птицами и крысами.

Этологи Стэнфордского университета исследовали поведение хорошо известной аквариумистам рыбки аstatотилипия Бартон. Это рыбка с выраженной территориальностью. Самцы агрессивно защищают свои владения от конкурентов: если нет владений, то и потомства не видать. Исследователей

заинтересовало то, что самцы умеют определять силу конкурента и уклоняются от схваток с сильными противниками. Это здоровое поведение – поскольку одна особь не может занимать большой ареал, то, уступая границу «силачу», можно сдвинуть свою территорию в сторону «слабака» и, таким образом, ничего не потерять.

Начальный эксперимент был простым и впечатляющим: рыбку отгораживали стеклом и давали понаблюдать за схваткой двух других самцов, потом рыбок рассаживали в три отсека, так что «наблюдатель» оказывался посередине. В результате он большую часть времени проводил в той части своего отсека, которая граничила с проигравшим [11 - Возможно и то, что рыбка делает вывод о силе противника вовсе не из исхода сражения, а по каким-то своим внутривидовым признакам – размерам, яркости окраски, напористости движений. Чтобы устранить подобные сомнения, в опыте применялись рыбки схожего размера и состояния, а результат схватки определялся заранее – у территориальных рыб при равенстве размеров победителем почти всегда выходит хозяин. В природе их «войны» происходят на границах. Итогом служит небольшое передвижение участков. Если же пришелец претендует на всю территорию хозяина, то даже немного меньшая рыбка-хозяин гарантированно одержит победу. Экспериментаторы давали «хозяину» некоторое время, чтобы освоиться в отсеке, и подсаживали соперника, таким образом, «наблюдатель» видел схватки с предсказуемым исходом.]

Эксперимент позволял сделать вывод о наличии примитивной логики, наблюдательности и памяти. Но самое интересное было впереди. Исследователи захотели установить, насколько далеко заходит рыба логика. Восемью «наблюдателям» дали последовательно посмотреть поединки пяти самцов, результаты которых можно записать так: $1 > 2 > 3 > 4 > 5$. При размещении «наблюдателей» между № 1 и № 5 все они безошибочно сдвигались к границе с пятым, хотя поединка между этими самцами не было. То есть рыбы не просто сделали логический вывод, но и запомнили последовательный результат четырех «матчей»! Продолжение было еще более интригующим: № 1 был чемпионом, а № 5 – аутсайдером, возможно, что «наблюдатели» просто запомнили их «роли» – они видели, как пятый проигрывал, и не видели, чтобы он побеждал. Самым интересным стало предъявление № 2 и № 4. Эти самцы не участвовали в прямой схватке – значит, результат нельзя было запомнить; оба имели по одной победе и поражению – значит, «наблюдатели» видели их как в роли победителя, так и в роли побежденного. Результат решения, кто сильнее из этих двоих, можно отнести только к чистой логике! «Наблюдатели» сделали правильный вывод, сдвигаясь к границе четвертого.

Описанный эксперимент показывает не только наличие логических операций даже у эволюционно далеких от человека животных и не только то, что мы недооцениваем их способности... Эксперимент говорит и о том, что сам факт определения этих способностей уникален. Астатотилипия оказалась удобным подопытным, а экспериментаторам хватило изобретательности и настойчивости, чтобы поставить корректный опыт. По другим рыбам у нас таких данных нет. Значит ли это, что они глупее астатотилипий?

Создать условия эксперимента, позволяющие корректно определить интеллект подопытного, чрезвычайно сложно. Животные просто не понимают, чего мы от них хотим. Или не видят причин делать то, что от них требуют экспериментаторы. В зоопсихологии отсутствие результата чаще всего говорит о том, что экспериментаторы не смогли адекватно «договориться» с подопытными об условиях эксперимента. Животные умны в тех условиях, в которых обитают, и им совершенно непонятен смысл наших «инопланетных» сигналов. Начнем с того, что большинство животных живут в богатейшем мире хеморецепции. Лишены этого канала только птицы. У нас и других высших приматов обоняние сравнительно бедное. Запахи предоставляют большинству наших соседей по планете богатейшую информацию, о которой мы можем только мечтать. Людям логика поступков, исходящих из подобной информации, совершенно неподвластна. Не потому, что она примитивна, а потому, что экспериментаторы «слепы» к той среде, в которой оперируют животные. О том, насколько мы глупы и антропоцентричны в попытках оценить способности других существ, можно судить по тому, как люди пытались выяснить, насколько умны слоны.

На заре зоопсихологии ученые возлагали на слонов серьезные надежды: большой мозг, дрессируемость, наличие манипулятора – хобота. Слонов считали одним из претендентов на звание «самого умного» наряду с высшими обезьянами и дельфинами. Однако эксперименты разочаровали – слоны обмахивались ветками, швыряли грязью в докучливых посетителей... и все! Когда им предлагали простейший эксперимент – взять палку и достать высоко висящую еду, они демонстрировали откровенное скудоумие. «Слоновий» оптимизм поутих. Тем более что появились новые интересные претенденты – врановые, стайные хищники, а также наметились вероятные фавориты – бонобо и шимпанзе.

Скромные результаты в экспериментах тем не менее вступали в противоречие с полевыми наблюдениями, свидетельствующими о сложной эмоциональной и общественной жизни в слоновьих стадах. К примеру, слоны оказались

чемпионами группового запоминания – они могут запомнить 100 членов сообщества и хранить эту информацию как минимум двенадцать лет[12 - Резникова Ж. И. Интеллект и язык животных и человека. М.: Академкнига, 2005.].

Ситуация прояснилась нелицеприятным для человечества способом – это не слоны глупят. Это слепой кричит глухому, негодуя на непонимание.

В отличие от руки хобот слона служит не только для хватания и ощупывания, но и для обнюхивания. Зрение слона вторично, оно нужно для больших расстояний. Вблизи слон использует хобот как выносной хемолокатор для обнюхивания интересующих предметов. Так он определяет природу предмета, направление и расстояние до него. Когда слон берет палку, то перекрывает носовые ходы и рецепторные поля на кончике хобота. В нашем понимании, он попросту «слепнет». Он будет размахивать палкой, но не оценит точного положения предмета. Это аналогично тому, чтобы предложить самому экспериментатору с завязанными глазами попасть в мишень. Возможно, слон знал, чего от него хотели, и уж точно хотел доставать еду. Но экспериментаторы попросту не понимали этого!

Проблема разрешилась, когда в Вашингтонском зоопарке молодому слону Кандуле[13 - Вааль Ф. де. Истоки морали. М.: АНФ, 2014.] предложили не только палку, но и другие предметы: ящик, доски... Оказалось, слон прекрасно все понимал – он пододвинул ящик ногой под висящие фрукты, встал на него передними ногами и достал их. Экспериментаторы прятали ящик за другими предметами и убирали его подальше, но каждый раз, когда появлялись фрукты, Кандула принимался искать ящик и пинал его к фруктам. То, что животное способно сначала изобрести решение в нестандартной ситуации, а затем уйти от цели (фруктов), ради того чтобы откуда-то принести орудие (ящик), информацию о котором оно хранит в памяти вкупе с логическим решением проблемы, говорит о высоком интеллекте – попробуйте проделать подобное с маленьким ребенком. Дальше экспериментаторы поступили «подло» (уж точно с точки зрения Кандулы) – они убрали ящик. Кандула смог поразить их снова – он начал укладывать доски стопкой, чтобы дотянуться до фруктов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Далай-лама. Больше чем религия. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016.

2

Сапольски Р. Биология добра и зла. М.: АНФ, 2019.

3

Цитируется по: Вааль Ф. де. Истоки морали. М.: АНФ, 2014.

4

Кроме человека секс ради удовольствия практикуют дельфины и наши ближайшие родственники – бонобо.

5

Уилсон Э. Хозяева земли. СПб.: Питер, 2014.

6

Порода миниатюрных свиней, используемая в качестве домашних питомцев.

7

Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. М.: Эксмо, 2013.

8

Вааль Ф. де. Истоки морали. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

9

Марков А. Эволюция человека. Книга вторая. М.: Астрель, 2011.

10

Марков А. Эволюция человека. Книга вторая. М.: Астрель, 2011.

Возможно и то, что рыбка делает вывод о силе противника вовсе не из исхода сражения, а по каким-то своим внутривидовым признакам – размерам, яркости окраски, напористости движений. Чтобы устранить подобные сомнения, в опыте применялись рыбки схожего размера и состояния, а результат схватки определялся заранее – у территориальных рыб при равенстве размеров победителем почти всегда выходит хозяин. В природе их «войны» происходят на границах. Итогом служит небольшое передвижение участков. Если же пришелец претендует на всю территорию хозяина, то даже немного меньшая рыбка-хозяин гарантированно одержит победу. Экспериментаторы давали «хозяину» некоторое время, чтобы освоиться в отсеке, и подсаживали соперника, таким образом, «наблюдатель» видел схватки с предсказуемым исходом.

Резникова Ж. И. Интеллект и язык животных и человека. М.: Академкнига, 2005.

Вааль Ф. де. Истоки морали. М.: АНФ, 2014.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bul-ba_evgeniy/biologiya-i-buddizm-pochemu-geny-protiv-nashego-schast-ya-i-kak-filosofiya-buddizma-reshaet-etu-problemu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)